

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 2 — 2020

---

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Помощник главного редактора:

Юлия Горбунова, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юртин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Евгений Добренко, Шеффилдский университет (Шеффилд, Великобритания)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Марк Липовецкий, Колумбийский университет (Нью-Йорк, США)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии УрО РАН (Чжэнчжи, КНР / Екатеринбург)

Олег Рябов, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина; Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Василий Щукин, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Александр Эткинд, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5

Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2020

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''194''

САМОГОНЩИКИ И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 — НАЧАЛЕ 1960-х гг.

В. А. Лобач, Е. В. Сумко

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь, nordic972@gmail.com

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь, sumko_elen@mail.ru

В статье, на примере Витебской области БССР, рассматриваются различные стратегии взаимоотношений производителей нелегального алкоголя и местной власти в послевоенной белорусской деревне. Хозяйственная и социокультурная прагматика самогонварения была обусловлена как экономическими факторами, так и этнокультурной спецификой сельского сообщества, где алкоголь играл существенную роль в обрядовой жизни и в различных будничных ситуациях социальной коммуникации. Архивные источники и материалы устной истории показывают, что в рамках локальных сельских сообществ отношение власти к самогонщикам варьировалось от открытого преследования и конфронтации до политики невмешательства и, в ряде случаев, стимулирования самогонварения. Личная склонность отдельных представителей власти к употреблению нелегального алкоголя нашла отображение в шуточном фольклоре, получившем широкое распространение в сельском социуме.

Ключевые слова: самогон, система жизнеобеспечения, сельское сообщество, местные власти, БССР, устная история.

BOOTLEGGERS AND LOCAL AUTHORITIES IN THE SOCIO-CULTURAL LANDSCAPE OF THE BELARUSIAN VILLAGE IN THE SECOND HALF OF 1940 — EARLY 1960s

V. A. Lobach, E. V. Sumko

Polotsk State University, Polock, Belarus, nordic972@gmail.com

Polotsk State University, Polock, Belarus, sumko_elen@mail.ru

The article, on the example of the Vitebsk region of the BSSR, discusses various strategies of relations between producers of illegal alcohol and local authorities in the post-war Belarusian village. The economic and sociocultural pragmatics of moonshine making was due to both economic factors and the ethnocultural specificity of the rural community, where alcohol played a significant role in ritual life and in various everyday situations of social communication. Archival sources and materials of oral history show that within local rural communities, the attitude of the authorities to moonshiners varied from open persecution and confrontation to non-intervention

---

© Лобач В. А., Сумко Е. В., 2020

Ссылка для цитирования: Лобач В. А., Сумко Е. В. Самогонщики и местная власть в социокультурном ландшафте белорусской деревни во второй половине 1940 — начале 1960-х гг. // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 2. С. 14—27.

Citation Link: Lobach, V. A., Sumko, E. V. (2020) Samogonshchiki i mestnaya vlast' v sotsiokul'turnom landshafte belorusskoy derevni vo vtoroy polovine 1940 — nachale 60-kh gg. [Bootleggers and local authorities in the socio-cultural landscape of the belarusian village in the second half of 1940 — early 1960s], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth. Theories and practices of culture]*, no. 2, pp. 14—27.

policy and, in some cases, motivational cooking. The personal inclination of individual authorities to use moonshine is reflected in the comic folklore, which has become widespread in rural society.

Key words: moonshine, life support system, rural community, local authorities, BSSR, oral history.

Проблема «теневых сфер» культуры жизнеобеспечения села в послевоенный период в белорусской историографии долгое время игнорировалась и на сегодняшний день представлена единичными исследованиями [Костров, 1988; Кашталян, 2007; Сумко, 2018]. Вместе с тем, анализ материалов устной истории и архивных документов убедительно показывает, что такой нелегальный промысел как самогонварение отнюдь не являлся занятием маргиналов, осуждаемых обществом и преследуемых законом, но представлял собой масштабное явление, имевшее огромную экономическую и социокультурную значимость для сельского сообщества, особенно в период послевоенного восстановления.

Целью данного исследования является анализ уровней и характера взаимоотношений производителей нелегального алкоголя (самогонщиков) и представителей власти на примере Витебской и Полоцкой (существовала с 1944 по 1954 год) областей БССР второй половины 1940 — начала 1960-х гг. Основной корпус источников составили архивные документы и материалы «устной истории», зафиксированные в ходе полевых экспедиций 2000-х гг. на территории Северной Беларуси. Методология исследования предполагает междисциплинарный подход на стыке экономической этнологии, социально-культурной антропологии и истории повседневности, когда личный опыт представителя локального сельского сообщества рассматривается в широком контексте исторического развития БССР в первые послевоенные десятилетия.

Вторая Мировая война и период нацистской оккупации стоили огромных человеческих жертв и нанесли тяжелейший урон экономике БССР в целом и сельскому хозяйству в частности. Особенно катастрофическое положение было в районах, где нацисты в борьбе с партизанами проводили политику «выжженной земли». В Витебском районе из 59 000 жителей на момент освобождения осталось только 12 000, Сиротинском — 24 449 из 48 775 человек [Витебщина освобожденная, 2009: 128, 212]. Шесть восточных районов Полоцкой области (Освейский, Ветринский, Дрисенский, Полоцкий, Россонский, Ушачский) и семь районов Витебской (Городокский, Дубровенский, Сиротинский, Суражский, Чашникский, Лиозненский, Меховский) были включены в число 36 наиболее пострадавших от нацистов на территории БССР.

В условиях тотальной разрухи, для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы сельского хозяйства как принудительного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов и промышленных центров. В свою очередь, для сельского населения Беларуси «послевоенное восстановление» прежде всего означало обустройство личного хозяйства, разрушенного войной, которое являлось основным источником жизнеобеспечения крестьянской семьи. В восточных районах БССР, где колхозная система оформилась еще в 1930-х гг. и была возрождена сразу же после освобождения от немецких оккупантов, материальные ресурсы, полученные колхозниками за работу на государство, были критически недостаточными.

Система «трудодней»¹, при фактически полном отсутствии денежной оплаты, в воспоминаниях крестьян характеризуется как крайне несправедливая, практически

---

¹ Начисление отсроченной оплаты за один рабочий день, которая суммарно производилась после расчета колхоза с государством и, как правило, осуществлялось в натуральной форме (с/х продукцией).

нищенская по содержанию. «*На трудадзень на той дадуць на сколькі грам гірсы², а мы і змелем, рэдка дзе жыціна пападаецца. Змелем, хлеб пячом. А якія хлябы пяклі? Саўсім значала ірвалі шышкі такія, асакі шышкі жоўценькія бываюць растуць, і вот пірог з тэй шышкі спячэш. А тады як спячэш, дык і неяк гэта аправіцца, так цябе скрапіць жалудак шышкамі гэтымі. І не дай Бог, як жылі з вайны з гэтай. І вот там нам не давалі ніякіх грошай, нічога...*»³ (Лепельский р-н) [Полацкі этнаграфічны зборнік, 2011: 259]. Даже в 1952 г. выплаты колхозникам оставались мизерными: в колхозах восточных областей БССР было в среднем выдано на один трудодень: деньгами — 37 коп., зерновыми — 1 кг, картошкой — 1,4 кг; в Западной Беларуси получали на один трудодень 27 коп., зерна — 1,3 кг, картошки — 0,5 кг [Касцюк, 2000: 234]. Оплата труда в колхозах могла обеспечить лишь скудное пропитание крестьянской семьи, но никоим образом не гарантировала даже минимального повышения благосостояния (покупку предметов первой необходимости, одежды, домашнего скота и птицы, школьных принадлежностей для детей и т. д.).

В рассматриваемый период основную роль в жизнеобеспечении крестьян играло приусадебное хозяйство, причем это было характерно как для восточных (преимущественно коллективизированных), так и для западных районов БССР (где преобладали единоличные хозяйства). Важными дополнительными источниками жизнеобеспечения были разнообразные промыслы, которые имели как легальный (собирачество, рыболовство), так и нелегальный характер (самогоноварение). В послевоенное время самогоноварение массово практикуется сельским населением как эффективный способ «конвертации» сельскохозяйственной продукции в «живые деньги», что обеспечивало необходимые финансовые средства для восстановления собственного хозяйства и уплаты налогов. Стоит отметить, что нелегальное производство алкоголя в белорусской деревне не было новым социально-экономическим явлением, поскольку опыт самогоноварения в широких масштабах был освоен еще в 1920—30-е гг. и значительно усовершенствован во время войны.

Период нацистской оккупации Беларуси 1941—1944 гг., помимо колоссальных жертв и разрушений, ознаменовался и невиданным расцветом самогоноварения, когда в условиях крайней нестабильности финансово-денежной системы алкоголь исполнял функцию универсальной «жидкой валюты» в торговых операциях и в различных формах социального взаимодействия (взятка, угощение, «антидепрессант»). Широкий размах кустарного производства алкоголя фиксируется документами на территории подконтрольной оккупационной администрации. И это несмотря на жесткие санкции, предусмотренные по отношению к самогонщикам: наказание в виде большого денежного штрафа, тюремного заключения или принудительных работ сроком до полугода [Гребень, 2016: 151—155]. Не менее активно процветало самогоноварение и в «партизанских зонах», где пьянство и сопутствующие ему произвол и мародерство в отдельных отрядах и бригадах, по многочисленным свидетельствам партийного руководства, приобретали угрожающие масштабы [Мусял, 2018: 245—247].

Для гражданского населения, и в первую очередь для крестьян, самогон становился не только средством торгового обмена, но и служил своего рода «откупом» от любых людей с оружием в руках, которые появлялись в деревне и были потенциальным источником угрозы для ее жителей. В любом случае, массовый опыт

² Гирса (бел.), костёр ржаной (рус.), *Bromus secalinus*, многолетнее травянистое растение семейства злаковых, является посевным сорняком, засоряет посевы озимой пшеницы и ржи; используется как кормовая культура в животноводстве.

³ На трудодень на тот дадут немного гирсы, а мы смелем, редко где житина попадается. Смелем, хлеб печем. А какой тот хлеб был? Рвали шишки такие, осоки шишки желтенькие растут, вот пирог с этой шишки испечешь. А тогда как так тебе скрепит желудок, шишками этими. Не дай Бог, как жили с войны с этой. И вот там нам не давали никаких денег, ничего.

самогонварения в экстремальных условиях, с использованием подручных технических средств, различных приемов соблюдения скрытности, безусловно, способствовал развитию нелегального промысла и в послевоенной белорусской деревне, но уже в новых социально-экономических и политических условиях.

В западных районах Витебщины люди старшего поколения связывают расцвет самогонварения именно с приходом советской власти, поскольку в довоенной Польше с ее развитой фискальной системой нелегальное производство алкоголя каралось очень жестко. «(А пры Польшчы не гналі?) Не-а, не гналі. Так строга было гэта, гарэлкі не гналі і табаку не садзілі. А так самагонкі і ў паміне не было ні ў кога, а як прыйшла ўжо Савецкая владца, тады ўжо пачалі самагонку гнаць»⁴ [7]. К тому же, в 1944—1949 гг. в западных районах, менее потерпевших от войны, чем восточные регионы, преобладали единоличные крестьянские хозяйства, производившие сельхозпродукцию в объемах, достаточных не только для самообеспечения и продажи, но и для самогонварения. Неслучайно, что Полоцкая областная прокуратура в 1948 г. особо отметила западные районы как регион масштабного и интенсивного производства самогонки [2].

Технология кустарного производства алкоголя не являлась тайной для большинства сельчан и была отточена ими до совершенства. «(А можа вот знаец, як самагонку зрабіць, як яе выгнаць?) Ты знаеш у каго пытацца (смеется). Знаеш сколько я яе перагнаў? Тока ж гэта і пілі, гэта ж водкі не зналі, эта вот нядаўна паявілася водка і віно. Я сам маладым быў, віна і водкі ня відзеў. (А з чаго гналі?) З ячменю, з пшаніцы, картошка в аснаўном. Ячмень расцілі. Рост пускаіць ячмень. Намокніць, паложыць у цёплае месца, тады 2—3 дні і ён расткі пускаіць, эта ўжо называцца солад. Солад расцвіў, тады этат солад прарос, этат солад сушуць, мелюць. Жорны ж былі свае... У жорны, этат солад змелюць, тады заварываюць гэту муку кіпятком, даюць дрожджы. Стаіць трое сутак, а можа чэцвера сутак. Бродзіць. Ага, кажучь, выхадзілася, ужо ня пышкаіць, ужо нада гнаць, тады ўжо гонюць самагонку. Самагонка ж была, ня водка, эта ж хімія, здаровая ж была. І жыта, рож, ячмень, пшаніца. Картошкі дабаўлялі, картошка падхадзіла харашо. Ад картошкі яна мяккая такая, самагонка. А цяпер гарэлка, яна ж рэзкая, эта ж атрава»⁵ [8]. Доступность сырья, нехитрая технология и достаточно простой способ изготовления крепкого алкоголя в домашних условиях во многом определили распространение самогонного промысла в крестьянской среде.

В первые послевоенные годы прагматика самогонварения носила преимущественно коммерческий характер, поскольку продажа самогона давала необходимые денежные средства для восстановления собственного хозяйства и приобретения предметов первой необходимости [Сумко, 2018: 128]. Значимость этого нелегального бизнеса подчеркивается большинством респондентов. «Некалі і ў гарад вазіла (смагонку), да якое вазіла — насіла на плячоx. Ехала к знакомым, а ў іх

⁴ «(А пры Польшчы не гналі?) Нет-а, не гнали. Так строго было это, водки не гнали и табак не садили. А так самогона и в помине не было ни у кого, а как пришла уже советская власть, тогда уже начали самогон гнать».

⁵ «— А можа вот знаете, как самогонку сделать, как её выгнать? Ты знаешь, у кого спрашивать (смеется). Знаешь, сколько я ее перегнал? Только же это и пили, это же водки не знали, это вот недавно появилась водка и вино. Я сам молодым был, вина и водки не видел. (— А из чего гнали?) Из ячменя, из пшеницы, картошка в основном. Ячмень растили. Рост пускает ячмень. Намокнет, положи в теплое место, тогда 2—3 дня и он ростки пускает, это уже называется солод. Солод расцвел, тогда этот солод пророс, этот солод сушат, мелют. Жернова же были свои... в жернова, этот солод смелют, тогда заваривают эту муку кипятком, дают дрожжи. Стоит трое суток, а может четверо суток. Бродит, ага, говорят, выходилась, уже не пышет, уже надо гнать, тогда уже гонят самогонку. Самогонка же была, не водка — химия, полезная же была. И рожь, ячмень, пшеница. Картошки добавляли, картошка подходила хорошо. От картошки она мягкая такая самогонка. А теперь водка, она же резкая, это же атрава».

палучка, знаю калі палучка і еду. На цэлую цялушку наносіла, а тады купіла цялушку і з таго зажывалі»⁶ [9]; «Гнали з бульбы, зярно прарошчвалі. Бяня стаяла пад ракой, там і гнали. Мама насіла ў Дрысу. Занясець у хату знаёмым жыдам бутылку ці дзве, і на мыла там, на соль, на табаку, запалкі (памяняе). Гэтага не было ў магазінах. Плацілі тым жа, што яна прасіла»⁷ [10]. Основными потребителями сравнительно дешевой самогонки⁸ были жители городов, поселков, железнодорожных станций, военных гарнизонов, т. е. та часть населения, которая получала зарплату реальными деньгами.

Немаловажное значение самогонка имела и в качестве средства оплаты за различные услуги в рамках сельского сообщества (обработка приусадебного участка, помощь в строительстве, заготовка и доставка дров, аренда коня и т. п.) [Сумко, 2018: 128]. «Ці было, што можна было бутылкай расшчытацца?» — *Расшчытаваліся. Было. Еслі нада — папросіш, што памагчы зробіць. Бутылкай, і цяпер тое самае. Магазінную не куплялі, усё время гнали*⁹ [11]; «(Самагонкай расшчытаваліся за работу?) Да, расшчытацца за работу. Вось нада дроў прывязці — сани нада, нада ж за сани заплаціць, нада прывязці, нада за дровы заплаціць — за ўсё нада было заплаціць»¹⁰ [12].

Вместе с тем, значительные объемы самогона были предназначены для удовлетворения не хозяйственных, но социокультурных потребностей сельского социума, что было исторически обусловлено экстраутилитарной функцией алкоголя в структуре обрядов календарного и семейного цикла. «Каждая хата гнала самогонку, у нас не было грошай і вина у нас не было тады. Счас у нас у дзярэўню два раза машына прыходзіць — вина ў волю. А тады: к Пасхе — самогоначкі, к Калядам — самогоначкі, памёр чалавек — самогоначкі, свадзьба — самогоначка»¹¹ [13]. Всплеск рождаемости в послевоенные годы [Беларусы, 2001: 284] был соответствующим результатом значительного увеличения количества свадеб, формат проведения которых в сельской местности предполагал наличие большого объема алкоголя, потребность в котором обеспечивало именно самогонование. «(А много самогонки гнали на свадьбу?) Як хто сумеець, хто у каком састаянні. Можыць быць і 50 літраў, можыць быць і 200 літраў»¹² [8]; «Ну, на свадзьбу ўсяк можна здзелаць. І на 50 літраў нагоняць. А могуць і 10 літраў, але якая там свадзьба будзець — ні туды, ні сюды»¹³ [14].

⁶ Когда-то и в город возила (самагонку). Какое «возила» — носила на плечах. Ехала к знакомым, а у них получка, знаю, когда получка, и еду. На целую тёлку наносила, а тогда тёлку купила, и с того заживали.

⁷ Гнали с картошки, зерно проращивали. Бяня стояла под рекой, там и гнали. Мама носила в Дриссу. Отнесет к знакомым евреям бутылку или две, и на мыло там, на соль, на табак, спички (поменяет). Этого не было в магазинах. Платили тем же, что она просила.

⁸ Ценовое соотношение между магазинной водкой и самогоном в послевоенное и настоящее время составляет негласную, но устойчивую пропорцию 1 : 2-3.

⁹ «(Было ли, что можно было бутылкой рассчитаться?) — Рассчитывались. Было. Если надо — опросишь, что помочь, сделает. Бутылкой и сейчас то же самое. Магазинную не покупали, все время гнали».

¹⁰ «(Самогоном рассчитывались за работу?) Да, рассчитывались за работу. Вот надо дров привезти — сани надо, надо же за сани заплатить, надо привезти, надо за дрова заплатить — за все надо было заплатить».

¹¹ «Каждый дом гнал самогон, у нас не было денег и вина у нас не было тогда. Сейчас у нас в деревню два раза машина приходит — вина в волю. А тогда: к Пасхе — самогоночка, к Рождеству — самогоночка, умер человек — самогоночка, свадзьба — самогоночка».

¹² «(А много самогонки гнали на свадьбу?) Как кто сумеет, кто в каком состоянии. Может быть и 50 литров, может быть и 200 литров».

¹³ «Ну, на свадзьбу всяк можно сделать. И на 50 литров нагонят, а могут и 10 литров, но какая там свадзьба будет — ни туды, ни сюды».

В целом, независимо от целепологания, самогонварение в послевоенной белорусской деревне приобрело впечатляющие масштабы, особенно с учетом колоссальных объемов сельскохозяйственного сырья, которое использовалось для изготовления нелегального алкоголя. В такой ситуации государство не могло оставаться безучастным свидетелем происходящего и реагировало на теневой сектор экономики советской деревни самым решительным образом.

Законодательные меры борьбы с самогонварением. В условиях карточной системы обеспечения и дефицита продуктов питания, самогонварение рассматривалось как деятельность, которая наносит серьезный ущерб народному хозяйству, так как кустарные алкогольные напитки производились из ценного продовольственного сырья — зерна, свеклы, картофеля и т. п. Помимо того, что самогонварение подрывало государственную монополию по производству и торговле алкоголем, изготовление самогона нередко сочеталось с кражей исходных продуктов в колхозе, а его продажа становилась источником «нетрудовых доходов», что противоречило социалистическим ценностям. Уголовная ответственность была предусмотрена за изготовление и хранение самогона с целью сбыта в виде промысла. Эти действия наказывались лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года или штрафом до 500 рублей. В 1947 г. по этой причине в БССР было возбуждено около 1 тыс. дел. Изготовление же и хранение самогона для личных надобностей преследовалось в административном порядке (исправительно-трудовые работы на срок до 1 месяца или штраф до 100 рублей) [Костров, 1988: 5].

Особый размах самогонварение приобретает после денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 года. Соответствующей реакцией государства стал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» (07.04.1948), который ужесточил санкции за изготовление самогона и сбыт в виде промысла (лишение свободы на срок от 6 до 7 лет с конфискацией всего или части имущества), в том числе за изготовление самогонных аппаратов с целью сбыта, а также установил уголовную ответственность за изготовление самогона без цели сбыта (лишение свободы на срок от 1 до 2 лет), за что раньше предусматривалась административная ответственность [Костров, 1988: 5].

Использование жесткого законодательства было избирательным и зависело от судебных органов. Например, нарсуд Лепельского района 16 июля 1948 года осудил А. А. Климентенок за самогонварение на 6 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Но в Толочинском районе из 15 рассмотренных нарсудом дел по 14 делам к преступникам было использовано или условное осуждение, или исправительно-трудовые работы по месту работы. Требование указа от 7 апреля 1948 г. о конфискации устройств изготовления самогона также часто не выполнялось [Кашталян, 2007]. Самогонварение являлось дополнительным источником дохода для населения, в первую очередь, для бедняков и крестьян-единоличников. Проверка летом 1948 года работы судов Лепельского района показала, что под суд как самогонщики отдавались, в основном, жены погибших фронтовиков, обремененные малыми детьми, и суды даже после указа от 7 апреля 1948 г. были вынуждены использовать меры наказания, не связанные с лишением свободы [Кашталян, 2007].

В Полоцкой области за 1948 год к судебной ответственности за самогонварение и сбыт нелегального алкоголя было привлечено 673 человека. Также было изъято 120 самогонных аппаратов, 404 литра самогона, 618 ведер браги, на изготовление которой ушло почти 3 тонны сельскохозяйственной продукции [2]. В последующие годы количество привлеченных к уголовной либо административной

ответственности за производство и сбыт самогона на территории области неуклонно снижалось: в 1949 г. привлечено 458, а в 1950 г. — 322 человека [3].

В пределах БССР, в связи с борьбой с самогоноварением, в 1948 г. было возбуждено 5,5 тыс. уголовных дел. По выявленным фактам производства самогона было израсходовано почти 61 тонна хлеба и около 18 тонн иной сельскохозяйственной продукции [Касцюк, 2000: 238].

Борьба с самогоноварением носила волнообразный характер, когда особая активность по разоблачению и наказанию самогонщиков ограничивалась годом, когда выходил соответствующий указ ВС СССР или БССР. Как только кампания 1948 года закончилась, количество осужденных самогонщиков резко пошло вниз. При этом самогонщики выработывали свою тактику избегания уголовной ответственности — вину на себя брали женщины либо инвалиды, наказание которых было минимальным. Это обстоятельство отмечали и органы прокуратуры, которые сетовали на недостаточные меры по борьбе с самогоноварением: «Работа по выявлению лиц, занимающихся самогоноварением, не проводится. В результате чего к ответственности за изготовление самогона привлекаются подставные лица, что имеют серьезные физические недостатки» [4].

Необходимо добавить, что уголовно-правовые санкции в сфере борьбы с нелегальным производством алкоголя были очень нестабильными. Так, 1 сентября 1959 г. Президиум ВС СССР издал указ «Об усилении борьбы с пьянством и самогоноварением», который возобновил административную ответственность за изготовление самогона независимо от наличия цели сбыта, но указ Президиума ВС СССР «Об усилении ответственности за самогоноварение» от 15 мая 1961 г. вновь устанавливал уголовную ответственность за все разновидности самогоноварения, даже за хранение самогона без цели сбыта [Костров, 1988: 6].

Самогонщики и местные власти. Эффективность и степень реализации правительственных постановлений о борьбе с самогоноварением во многом определялись спецификой конкретного культурного ландшафта, где значение имело множество факторов: уровень экономического развития, интенсивность торговых связей между городом и деревней, специфика сельскохозяйственного производства, состав и представительность местных органов власти и характер ее взаимоотношений с местным населением, а также особенности социальной коммуникации в рамках сельского сообщества, топография поселений и даже природные характеристики того или иного региона. В частности, особенностью сельского ландшафта Северной Беларуси является преобладание небольших деревень, значительная часть которых располагается в лесной местности, в изрядной отдаленности от административных центров различного уровня. Естественным образом, осуществлять контроль и наказывать за самогоноварение в «глухих» деревнях было для представителей власти чрезвычайно проблематично. В ряде случаев, вопрос о незаконности домашнего производства алкоголя и преследовании со стороны милиции вызывал у респондентов недоумение, поскольку представителей органов правопорядка они практически не видели. «(А на свадьбу гарэлка свая ці куплёная была?) *Самагонку рабілі. Самагонку рабілі і ўсё.* (А ці можна было самагон гнаць?) *Ну, можна было. (І міліцыя не ганяла?) А мы міліцыі ня відзелі. Міліцыі не было. Якая там міліцыя?»*¹⁴ [15]; «(А милиция приезжала в деревню?) *Не, міліцыі ж у тое ўрэмя нікай не было. Што там, у тым 47-м ці 48-м гаду, якая ж там міліцыя? Нікога не было»*¹⁵ [16].

¹⁴ «(А на свадьбу водка своя или купленная была?) Самогон делали. Самогон делали и все. (А можно ли было самогон гнать?) Ну, можно было. (И милиция не гоняла?) А мы милиции не видели. Милиции не было. Какая там милиция?»

¹⁵ «(А милиция приезжала в деревню?) Нет, милиции же в то время никакой не было. Что там, в том 47-м или 48-м году, какая же там милиция? Никого не было».

Категория «местная власть» в картине мира сельского населения всегда имеет очень четкую градацию и конкретное наполнение, где «колхозное начальство» всех уровней (председатель, агроном, бригадир) принципиально отличается от представителей правоохранительных органов, которые, в первую очередь, воспринимаются как репрессивная и карающая ипостась государства. Последний тезис был тем более актуален в условиях сталинского режима послевоенных лет и, особенно, в западных районах БССР, где проводились массовые депортации населения, а вооруженное антисоветское сопротивление носило активный характер [Шыбека, 2003: 340, 348—349].

Центральным персонажем, который для сельчан воплощал всю милицию в целом, в устных нарративах выступает участковый милиционер, появление которого в деревне всегда вызывало чувство тревоги и страха у жителей. Даже «невинная» причина визита участкового в дом вызывала оправданное беспокойство. «Участковы мог даже прыці, ціпа ён прышоў паглядець ці іспраўна печка, адкрыць занавесачку і глянуць, што там на печцы робіцца, ці стаіць там саладуха якая, брага»¹⁶ [18]. В разгар компаний борьбы с самогонварением, когда милиция должна была демонстрировать высокие показатели раскрываемости данного вида правонарушения, «договориться» с участковым было практически невозможно. Не спасало в таких случаях и личное знакомство с милиционером. «Не разрэшалася гнаць, не давалі... Стукаіць нехта ў дзверы, я прытаілася і сяджу. А муж выскачыў з хаты, дзверы адкрыў — участковы. І залавіў нас з водкай. Арыштавалі. Трыста рублей муслі плаціць. І ўчастковы знакомы, а трыста рублей усё раўно заплацілі»¹⁷ [19].

Вместе с тем, огромное значение имела личность участкового милиционера и все особенности его характера, привычек и склонностей, что и лежало в основе его взаимоотношений с сельскими жителями. Склонность отдельных представителей власти к употреблению горячительных напитков означала для самогонщиков реальную возможность избежать наказания за нелегальный промысел. В свою очередь, для милиционеров в такой ситуации самогонщик становился поставщиком бесплатного алкоголя. «А я дажа міліцыянерам давала гарэлку. Адны міліцыянеры ганялі, а другія... Гэта пасля вайны. Аднойчы нейкая аварыя была ў Мішкавічах, дык яны зайшліся: “Людвігаўна, нада вот выпіць”. Я ім бутылку бу-бух на стол. А яны: “Ну, за гэтую гарэлку судзіць нельзя, яна крэпкая”. Толькі грошы не плаціла міліцыя, калі п’ець. А я ім ставіла, каб яны мяне не чапалі»¹⁸ [20].

За лояльное отношение со стороны участкового самогонщики рассчитывались не только собственной продукцией, но и деньгами. «(Ад участковага можна было адкупіцца?) Ну, гэта можна было. Гэта тожэ немалыя срэдства нада была палажыць. (Так гэта грашыма ці гарэлкай?) Ён гарэлкі нап’ецца і будзе табе гаварыць — усё, а тады апяць сваё. І гарэлкай, і грашамі давалі. Не адкажацца»¹⁹ [14]. Подобного рода «сотрудничество» между самогонщиками и участковым носило взаимовыгодный характер: милиционер получал материальные бонусы, а взамен закрывал

¹⁶ «Участковый мог даже прийти, типа он пришел поглядеть исправна ли печка, открыть занавесочку и глянуть, что там на печке делается, стоит ли там солодуха какая, брага».

¹⁷ «Не разрешалась гнать, не давали... Стучит кто-то в дверь, я притаилась и сижу. А муж выпрыгнул из дома, дверь открыл — участковый. И заловил нас с водкой. Арестовали. Триста рублей должны были платить. И участковый знакомый, а триста рублей все равно заплатили».

¹⁸ «А я даже милиционерам давала водку. Одни милиционеры гоняли, а другие... это после войны. Однажды какая-то авария была в Мишковичах, так они зашлись: “Людвиговна, надо вот выпить”. Я им бутылку бу-бух на стол. А они: “Ну, за эту водку судить нельзя, она крепкая”. Только деньги не платила милиция, когда пила. А я им ставила, чтобы они меня не трогали».

¹⁹ «(От участкового можно было откупиться?) Ну, это можно было. Это тоже немалые средства надо было. (Так это деньгами или водкой?) Он водки напьется и будет тебе говорить — все, а тогда опять свое. И водкой, и деньгами давали. Не откажется».

глаза на самогонварение и даже предупреждал о готовящихся рейдах и проверках. «Участковы знаў, дзе добрая водка... Прыедзець участковы, ён выпіць хочаць... Ну, складваюцца калечане (жители д. Калечполье. — В. Л., Е. С.) па бутылке. Ну, бывала, што патрасуць іх, а участковы перадаць, што прыедуць трасці...»²⁰ [15].

Иногда противостояние участкового и самогонщика приобретало трагикомический характер, когда сельский житель давал своеобразный урок ретивому представителю власти. «*Прыехаў участковы к майму свёкру, палез на чардак іскаць самагонку. А ён — цоп! — лесвіцу сняў. “Стаі, — гаворыць, — ёп тваю маць, на чардаку!” А ён тады будзіць: “Мікалайчык родны, спуці мяне. Нічога там нет, нічога я ня буду”. “Скуля! Сядзі, — кажа, — на чардаку, спускайся сам”*»²¹ [17]. В другом случае, участковый милиционер был жестоко наказан смелой самогонщицей за собственное пристрастие к алкоголю. «*Заявілі. Узялі панятных. Прыйшли і знайшли самагонку. Яна напіла гэтага ўчастковага, так напіла, што і панятных напілася, і сам напіўся — ўсе. І заснуў, акт злажылі, усё, а ён заснуў у её. Яна ўзяла з кабуры пісталет выняла і ўсё. Ён устаў, цоп-цоп — нет пісталета. Ён адразу да яе, а яна: “Парві акт — аддам, не парвеш — табе больш будзе. Ты прыйшоў, панятных спаў, самагонку найшоў, напіўся сам да бессазнанія, не то што ты в прымер паставіў, а ты сам напіўся, а я ў цябе ўкрала пісталет. Вот якая ваша міліцыя!” Круціўся, круціўся, як не прасіў. — “Не дам і ўсё. Табе больш будзе, мяне можа апраўдаюць, а табе больш будзе — не бярог ты сваё аружые”. Вот і ўсё. Круціўся, круціўся і аддаў. Парвала, парвала: “Вось цяпер на табе твой пісталет, ідзі, не хадзі сюды больш”*»²² [21].

Однако приведенные примеры были скорее исключением, поскольку в большинстве ситуаций права и компетенции милиции и рядового колхозника были несоизмеримы. Страх деревенского жителя перед уголовным наказанием за изготовление и сбыт самогона был очень велик и мог быть использован милиционером даже в преступных целях, в частности для сексуального принуждения. «*А ў Захарнічах прадавала адна дачка ў бацькі самагонку. Ён гнаў самагонку, яна насіла ў горад, прадавала, у Баравуху. І міліцыянер яе паймаў, як яна нясла, ну і нада было судзіць. А гэта, яна стала плакаць, прасіцца. А ён гаворыць: “Ну раз такое дзела, ну сагласісь са мной...” І яна сагласілася. Асталася ў палажэнні. Ну а ў палажэнні — эта ж не цяпер, а раньшэ — які пазор быў. Усё, неізвесна, які пазор! На ўвесь род. І яна забрала ў галаву, забрала, і павесілася*»²³ (Полоцкий р-н) [Полацкі этнаграфічны зборнік, 2011: 214].

²⁰ «Участковый знал, где хорошая водка... Приедет участковый, он выпить хочет... Ну, складываются калечане (жители д. Калечполье — В. Л., Е. С.) по бутылке. Ну, бывало, что потрясут их, а участковый передаст, что приедут трясти...»

²¹ «Приехал участковый к моему свекру, полез на чердак искать самогон. А он — цоп! — лестницу снял. “Стой, — говорит, — еп твою мать, на чердаке!” А он тогда отвечает: “Николайчик родной, спусти меня. Ничего там нет, ничего я не буду”. “Скулле! Сиди, — говорит, — на чердаке, спускайся сам”».

²² «Заявили. Взяли понятных. Пришли и нашли самогон. Она напоила этого участкового, так напоила, что и понятные напились, и сам напился — все. И заснул, акт составили, все, а он уснул у нее. Она взяла из кобуры пистолет и все. Он встал, цоп-цоп — нет пистолета. Он сразу к ней, а она: “порви акт — отдам, не порвешь — тебе больше будет. Ты пришел, понятных споил, самогон нашел, напился сам до бессознания, не то что ты в пример поставил, а ты сам напился, а я у тебя украла пистолет. Вот какая ваша милиция!” Крутился, крутился, как не просил. — “Не дам и все. Тебе больше будет, меня, может, оправдают, а тебе больше будет — не берег ты свое оружие”. Вот и все. Крутился, крутился и отдал. Порвала, порвала: “Вот теперь на тебе твой пистолет, иди, не ходи сюда больше”».

²³ «А в Захарничках продавала одна дочь самогон отца. Он гнал самогон, она носила в город, продавала, в Боровуху. И милиционер ее поймал, как она несла, ну и надо было судить. А это, она стала плакать, проситься. А он говорит: “Ну раз такое дело, ну согласись со мной...” — и она согласилась. Оказалась в положении. Ну, а в положении — это же не сейчас, а раньше — какой позор был. Какой позор! На весь род. И она повесилась».

В целом, тактику производителей и сбытчиков самогона можно охарактеризовать как «партизанскую», где важную роль играли скрытность (зачастую самогон гнали в лесных урочищах), маскировка (например, транспортировка на рынок в резиновых грелках или молочных бидонах), способы оповещения о рейдах и облавах, система посредников и доверенных особ в процессе продажи. Но особое значение для нелегального промысла имело наличие либо отсутствие солидарности и взаимопомощи в рамках сельского коллектива. В большинстве случаев респонденты отмечают, что первопричиной адресного визита милиции к самогонщику являлось заявление в «органы» кого-либо из односельчан.

Совершенно иной была ситуация, когда вся деревня была заинтересована в нелегальном бизнесе и сообща защищала свои интересы. В д. Калечьполье Глубокского района, жители которой специализировались на изготовлении и продаже качественной алкоголя, существовала своего рода «профессиональная солидарность» самогонщиков. «(А былі случаи, што хто-небудзь данасіў на суседа?) Ай, у нас гэтага не было. Дружна жылі. Калі хто дзе і рабіў самагонку, дык дружна, адзін за аднаго. Ганяла міліцыя, ездзілі. Толька што жылі дружна і адзін аднаго зашчышчалі. Гэта бальшое дзела, што еслі я раблю, а саседзі папярэджуюць мяне, што ёсць міліцыя, і я ўцяку ў лес ад міліцыі»²⁴ [22]. Подобного рода корпоративная солидарность была характерна не только для западных, но и восточных районов Витебщины. «Дзярэўня бальшая была (д. Адворня, Ушачский р-н. — В. Л., Е. С.). У ніх так заведзена: сягоння ты гоніш самагонку, заўтра — ён. Сягоння ён ідзе к табе піць, заўтра — ты. Кажны сасед знаў. Вот усе ругалісь, но за самагонку ніхто нікога не прадасць. А вось каб выдаць, хоць павешай — не скажуць»²⁵ [23]. Следует отметить, что традиции взаимопомощи не ограничивались послевоенным временем, но были устойчивыми в некоторых деревнях и в 1960—1970-е гг. «Если находили самогон или аппарат, давали штраф. 150 рублей — это большой штраф был для сельской местности. В нашей деревне практиковалось, это я ещё хорошо помню, когда человек попадает, то всей деревней по рублю сбрасывались и помогали ему выплатить штраф» [24].

Колхозное руководство всех уровней, являясь органической частью сельского социума, имело собственное представление и отношение к самогону, во многом отличное от официальной позиции государства. Чрезмерная личная «интегрированность» отдельных представителей колхозного и местного советского руководства в алкогольную проблематику официально критиковалась уже в первые послевоенные годы. В 1945 г. был осужден по партийной линии случай, когда председатель Сестренского сельсовета на банкет по случаю 8 марта, который устраивался на квартире секретаря РК КП(б)Б Видзовского района Полоцкой области, привёз 10 литров самогона [5]. В 1947 г. в Дисненском районе Полоцкой области «агроном Леонид Лимановский..., вместо того чтобы присутствовать на поле, где решается успех будущего урожая, зачастую валяется пьяным, допуская грубое нарушение правил агротехники» [Новое жыццё, 1947].

Тем не менее, колхозное руководство отлично понимало реальное положение дел в послевоенной деревне и значимость самогона для сельского сообщества. Не случайно, когда речь шла о производстве алкоголя для личных нужд, прежде всего для надлежащего проведения свадеб или похорон, председатель колхоза

²⁴ «(А были случаи, что кто-нибудь доносил на соседа?) Ай, у нас этого не было. Дружно жили. Если кто где и делал самогон, то дружно, друг за друга. Гоняла милиция, ездили. Только что жили дружно и друг друга защищали. Это большое дело, что если я делаю, а соседи предупредят меня, что есть милиция, и я убегу в лес от милиции».

²⁵ «Деревня большая была (д. Адворня, Ушачский р-н. — В. Л., Е. С.). У них так заведено: нынче ты гонишь самогон, завтра — он. Нынче он идет к тебе пить, завтра — ты. Каждый сосед знал. Вот все ругались, но за самогон никто никого не продаст. А вот чтобы выдать, хоть вешай — не скажут».

не только закрывал глаза на самогонование, но зачастую оказывал материальную помощь в виде сырья для производства алкоголя [Сумко, 2018: 130]. При этом, «колхозная элита» не являлась сторонним наблюдателем, а лично принимала участие в семейных торжествах крестьян. «Самагонка на свадьбу была. Ну, приехаў брыгадзір, прыехаў прадседацель, там цётка, ягонья сёстры... На стала самагонка...»²⁶ [16].

Но куда более важное значение, с точки зрения колхозного начальства, самогон приобрел в качестве средства стимуляции и поощрения труда в тяжелейших послевоенных условиях. Практически все значимые вехи сельскохозяйственного цикла (завершение посевной, начало и окончание жатвы и т. д.) отмечались соответствующими коллективными торжествами, где самогон был угощением и формой благодарности руководства колхозникам. Стоит отметить, что в этом случае самогон производился из колхозного сырья либо закупался в достаточных количествах у производителей. «А гэта ўжо як былі калхозныя абжынкi ў кожнай брыгадзе. Гэта тады ўжо брыгадзір дасць якому мужыку жыта зерна, (той) самагонкі нагоніць. Ну, і тады тожа сабіраліся»²⁷ [24]; «Дажа, калі Кемстач (председатель колхоза. — В. Л., Е. С.) стаў работаць, усегда делалі п'янкi, што зробіць субботнікі — так абязацельна гулянкі. Самагонку ездзілі па дзярэўнях дажа куплялі. Па людзях ездзілі і куплялі канкі (1 канка — 30 літраў). Дзве купім і гулянку гуляем. (Так гэта начальства калхознае пакупала, штобы людзей угасціць?) Да. Начнецца жыта жаць, затым абязацельна абжынкi. Даже без ніякіх нічога. Заканчваецца касенне — і тут гулянку справіць. Ён так плаціў, каб людзі шлі»²⁸ [11].

Присутствие колхозного руководства на таких торжествах было обязательным, что не в малой степени способствовало интеграции всего коллектива. Вопрос о законности подобных мероприятий в контексте борьбы с самогонованием вызывает непонимание со стороны респондентов. «Былі і прэсэдацелі, і ўсе. Самагонку ставілі і самагонку пілі. (Сам прэсэдацель?) А чо, прэсэдацель? Не такі чалавек, як усе? (Так гэта ж нельга, гэта ж забаронена. Там штрафы давалі, не?) Ай, перастаньце, усе пілі. Там і агроном, і ўсе, і прэсэдацель, і ўсе эці людзі сабіраліся у якой бальшой хаце і пілі, і гулялі»²⁹ [26].

Фольклорное отображение «самогонной темы» в жанре шуточной (сатирической) песни и частушек представляется совсем не случайным по ряду причин. Сам феномен самогонования в культурном ландшафте белорусской деревни стал актуальным по причине ужасных катаклизмов XX века (коллективизация, II Мировая война, послевоенная разруха) и являлся одним из важных способов жизнеобеспечения сельского социума в экстремальных условиях. Однако изначально прагматика сельского самогонования конфликтовала с правовыми нормами советского государства как занятие нелегальное и даже криминальное. Юмористическая канва в этом случае заключается в народной убежденности в собственной правоте,

²⁶ «Самогон на свадьбу был. Ну, приехал бригадир, приехал председатель, там тетя, его сестры... на столе самогон...».

²⁷ «А это уже как были колхозные обжинки в каждой бригаде. Это тогда уже бригадир даст, какому мужику рожь зерно, (тот) самогону нагонит. Ну и тогда тоже собирались».

²⁸ «Даже, если Кемстач (председатель колхоза. — В. Л., Е. С.) стал работать, всегда делали пьянки, что сделает субботники — так обязательно гулянки. Самогон ездили по деревням даже покупали. По людям ездили и покупали конки (1 канка — 30 литров). Две купим и гулянку играем. (Так это начальство колхозное покупало, чтобы людей угостить?) Да. Начнем рожь жать, затем обязательно обжинки. Даже без никаких ничего. Заканчивается косьба — и тут гулянку справит. Он так платил, чтобы люди шли».

²⁹ «Были и председатели, и все. Самогон ставили и самогон пили. (Сам председатель?) А что, председатель? Не такой человек, как все? (Так это же нельзя, это же запрещено. Там штрафы давали, нет?) Ай, перестаньте, все пили. Там и агроном, и все, и председатель, и все люди собирались в каком большом доме: и пили, и играли».

которая на практике «побеждает» репрессивную государственную политику. «Самагоначку мы гонім, / Самагоначку мы п'ём, / Апараты разбіваюць, / А мы новыя куём»³⁰ [13]. Наряду с мотивом о тщетности запретительных мер юмористический эффект достигается и указанием на двуличность местных властей, которые декларируют официальные ценности, но в реальной жизни органически включены в сферу потребления самогона. «Зьвіньявой я была, буракоў накрала. / Буракоў накрала, самагонкі нагнала. / Самагонка удалася, самагонка удалася, / Самагонка удалася — ўся брыгада напілася. / Як напіўся брыгадзір — на работу не хадзіў. / Аграном як заліў вочы, дык паставіў дзень рабочы. / Заацехнік як напіўся — у кармушку уваліўся. / І з раёну была два, і яшчэ 'дзін галава. / І міліцыя была, самагоначку піла. / Сталі сход сабіраць — каму прэмію даваць. / Зьвіньявой трэба даць — самагонку ўмеє гнаць. / І з цех пор я завуся — самагоншчыца Маруся»³¹ [27].

Принципиально важно, что шуточные песни, такие как «Самогонщица Маруся», не предназначены для индивидуального исполнения и в силу своего характера исполняются коллективно, т. е. являются ментальной реакцией сельского сообщества на государственную политику.

Заключение

Анализ архивных источников и материалов полевых исследований показывает, что самогоноварение в послевоенной белорусской деревне представляет собой сложный социально-экономический и культурный феномен, который объективно способствовал не только хозяйственному восстановлению села, но и служил важным фактором сохранения этнокультурной идентичности в плане реализации важнейших обрядов календарного и семейного цикла, принципиально важных для сельского социума. Нелегальный характер производства самогона при его экономической востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти. Многоуровневая прагматика самогоноварения находится в тесной связи с конкретными историческими условиями развития общества в целом, что обуславливает актуальность и перспективность дальнейших исследований в этой области.

Сокращения

ЗГАП — Зональный государственный архив в г. Полоцке.
ФАПУ — Фольклорный архив Полоцкого государственного университета.

Источники

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 — декабрь 1945 : док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]. Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. 584 с.
2. ЗГАП, 1. Ф. 964. Оп. 2. Д. 49. Л. 7.
3. ЗГАП, 2. Ф. 964. Оп. 2. Д. 77. Л. 12.
4. ЗГАП, 3. Ф. 964. Оп. 2. Д. 71, Л. 12.

³⁰ «Самогоночку мы гоним, самогоночку мы пьем, аппараты разбивают, а мы новые куем».

³¹ «Звеньевой я была, бураков накрала. / Бураков накрала, самогонки нагнала. / Самогонка удалась, самогонка удалась, / самогонка удалась — вся бригада напилась. / Как напился бригадир — на работу не ходил. / Аграном как залил глаза, то поставил день рабочих. / Зоотехник как напился — в кормушку ввалился. / И из района было два, и еще один голова. / И милиция была, самогоночку пила. / Стали собрание собирать — кому премию давать. / Звеньевой надо дать — самогонку умеет гнать. / И с тех пор я зовусь — самогонщица Маруся».

5. ЗГАП, 4. Ф. 964. Оп. 2. Д. 14. Л. 94.
6. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк : ПДУ, 2011. Ч. 2. 368 с.
7. ФАПГУ. 2010 г.: Хрол Чеслава Брониславовна, 1930 г. р., д. Хролы Глубокскаго р-на Витебскай обл.
8. ФАПГУ. 2012 г.: Чикун Іосиф Степановіч, 1930 г. р., д. Веретеі Поставскаго р-на Витебскай обл.
9. ФАПГУ. 2016 г.: Малахова Софья Фёдоровна, 1936 г. р., д. Кульнева Россонскаго р-на Витебскай обл.
10. ФАПГУ. 2018 г.: Снежын Станіслава Грыгорьевна, 1923 г. р., д. Жыгулі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
11. ФАПГУ. 2017 г.: Моисеенко Мария Филлиповна, 1931 г. р., д. Муравщина Полоцкаго р-на Витебскай обл.
12. ФАПГУ. 2018 г.: Трапук Зінаіда Васильевна, 1932 г. р., д. Азернікі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
13. ФАПГУ. 2007 г.: Танана Надежда Александровна, 1932 г. р., д. Гавриловичі Поставскаго р-на Витебскай обл.
14. ФАПГУ. 2018 г.: Котикова Надежда Исаковна, 1932 г. р., д. Сиротино Шумілінскаго р-на Витебскай обл.
15. ФАПГУ. 2018 г.: Долгорукая Елена Станіславовна, 1932 г. р., д. Юстианово Глубокскаго р-на Витебскай обл.
16. ФАПГУ. 2018 г.: Бондар Зінаіда Алексеевна, 1932 г. р., д. Клёны Миорскаго р-на Витебскай обл.
17. ФАПГУ. 2016 г.: Селезнёва Лидия Александровна, 1926 г. р., д. Кульнева Россонскаго р-на Витебскай обл.
18. ФАПГУ. 2018 г.: Денисова Наталья Ивановна, 1964 г. р., д. Чароповка Россонскаго р-на Витебскай обл.
19. ФАПГУ. 2018 г.: Ядзяла Станіслава Адольфовна, 1927 г. р., д. Ёдловиці Браслаўскаго р-на Витебскай обл.
20. ФАПГУ. 2018 г.: Борисевич Роза Людвиговна, 1928 г. р., д. Микитиха Шумілінскаго р-на Витебскай обл.
21. ФАПГУ. 2016 г.: Половая Майя Павловна, 1937 г. р., д. Казімірово Полоцкаго р-на Витебскай обл.
22. ФАПГУ. 2018 г.: Гиль Феофания Іосифовна, 1940 г. р., д. Калечьполье Глубокскаго р-на Витебскай обл.
23. ФАПГУ. 2018 г.: Снежын Валерий Федоровіч, 1951 г. р., д. Жыгулі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
24. ФАПГУ. 2018 г.: Тарасов Виктор Алексеевіч, 1951 г. р., д. Турлаі Оршанскаго р-на Витебскай обл.
25. ФАПГУ. 2012 г.: Сивицкая Кристина Николаевна, 1940 г. р., д. Гулидово Глубокскаго р-на Витебскай обл.
26. ФАПГУ. 2018 г.: Руденок Фёдор Антонович, 1937 г. р., д. Загатые Полоцкаго р-на Витебскай обл.
27. ФАПГУ. 2009 г. Коллектив женщин д. Туміловиці Докшицкаго р-на Витебскай обл.

Бібліяграфія

- Беларусы: у 8 т. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё. Мінск: Бел. навука, 2001. 433 с.
- Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941—1944 гг.): монография. Минск: БГАТУ, 2016. 496 с.
- Касцюк М.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 2000. 308 с.
- Капшталян І.* Эканамічная штодзённасць БССР у 1945—1953 гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/gu/tr/tr030112.html>. (дата обращения: 23.09.2018).
- Костров А. И.* Расследование самогоноварения. Минск: Университетское, 1988. 48 с.

- Мусял Б. Савецкія партызаны ў 1941—1944 гг.: Міфы і рэчаіснасць / перакл. з ням. У. Папковіча, нав. рэд. У. Калаткоў. Смаленск : Інбелкульт, 2018. 592 с.
Новае жыццё. 1947. № 69. С. 1.
Сумко А. В. Эканамічны і соцыякультурны аспект самагонаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х — 1960-х гг. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2018. № 9. С. 127—135.
Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002). Мінск: Энцыклапедыя, 2003. 490 с.

References

- Belarusy* [Belarusians]: u 8 t. T. 4: Vytoki i jetnichnae razviccjo (2001), Minsk: Bel. Navuka, 433 p.
Greben', E. A. (2016) *Grazhdanskoe naselenie Belarusi v uslovijah nemeckoj okkupacii (1941—1944 gg.)*: monografija [Civil population of Belarus under German occupation (1941—1944): monograph], Minsk: BGATU.
Kascjuk, M. (2000) *Bal'shavickaja sistjema ŷlady na Belarusi* [The Bolshevik system of power in Belarus], Minsk: VP "Jekaperspektyva".
Kostrov, A. I. (1988) *Rassledovanie samogonovarenija* [Moonshine investigation], Minsk.
Musjal, B. (2018). *Saveckija partyzany ў 1941—1944 гг.: Mify i rječhaisnasc'* [Soviet partisans in 1941—1944: Myths and reality], perakl. z njam. U. Papkovicha, nav. rjed. U. Kalatkoŷ, Smalensk : Inbelkul't.
Sumko, A. (2018). Ekanamiczny i socyjakulturny aspekt samagonavarennia u selskim landszafte Paunocznej Belarusi v drugoj palove 1940-kh — 1960-kh gg. [Economic and socio-cultural aspects of moonshine brewing in the rural landscape of Northern Belarus in the second half of the 1940s — 1960s], *Vestnik Polockogo Gosudarstvennogo universiteta*, 9. pp. 127—135.
Shybeka, Z. (2003) *Narys gistoryi Belarusi (1795—2002)* [Essay on the history of Belarus (1795—2002)], Minsk: Jencyklapedyja.